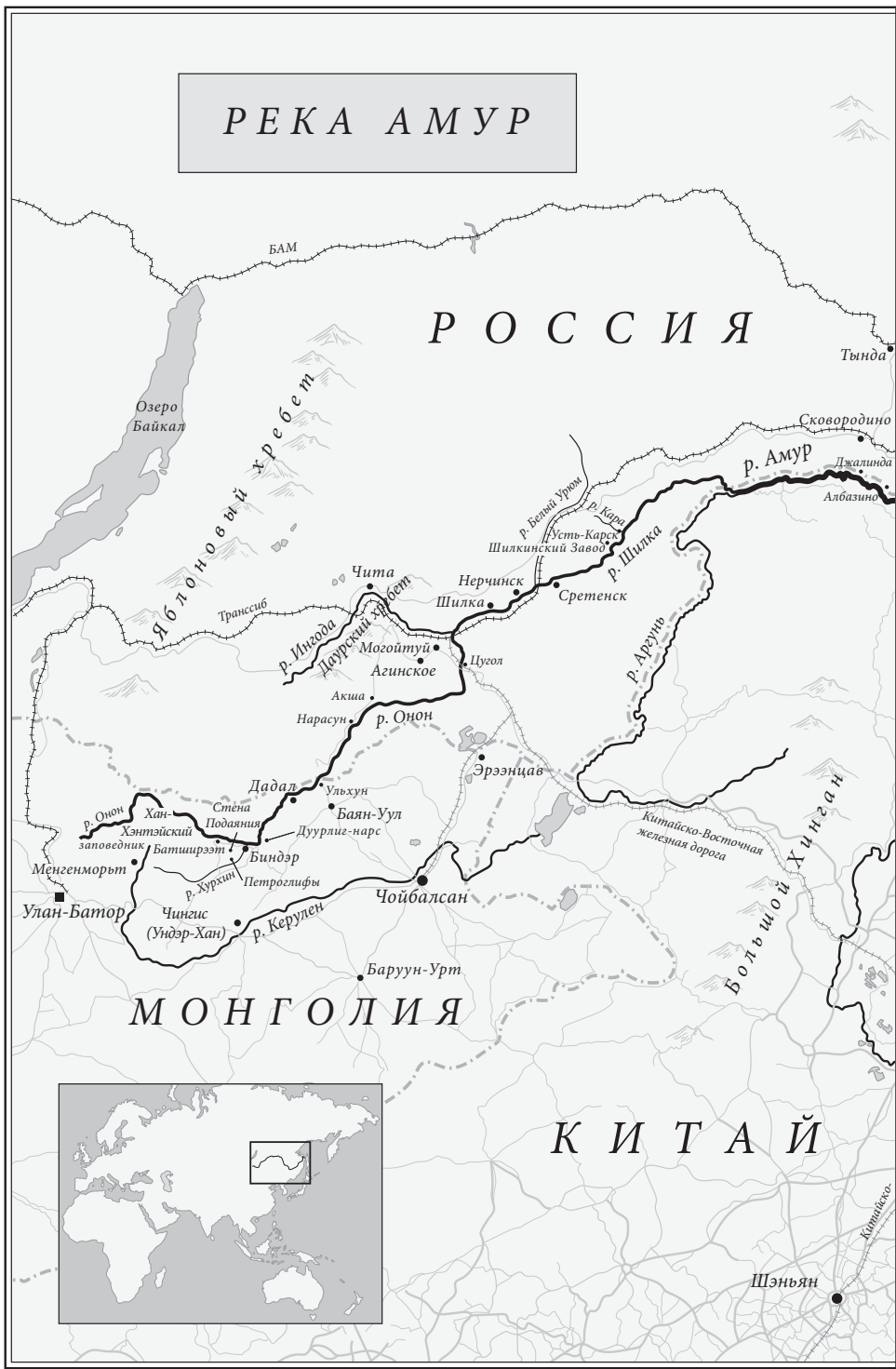
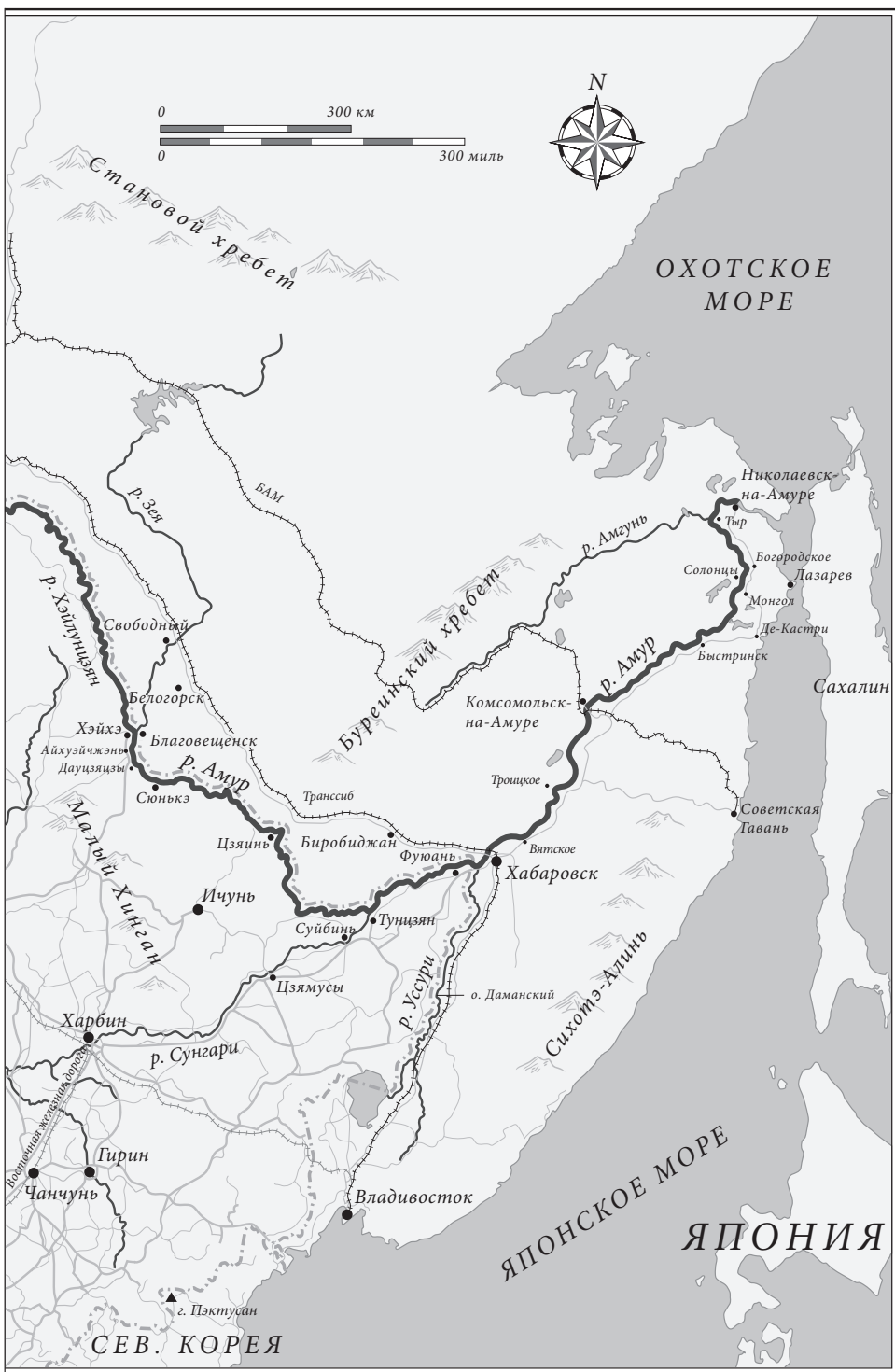

Содержание

<i>Карта</i>	6
Глава 1. Исток	11
Глава 2. Степи	36
Глава 3. Договор	65
Глава 4. Шилка	96
Глава 5. Потерянная крепость	114
Глава 6. Город Благовещения	145
Глава 7. Река Черного Дракона	185
Глава 8. Хабаровск	233
Глава 9. Город на заре	263
Глава 10. Перспектива	298
 <i>Благодарности</i>	 340
<i>Указатель</i>	341
<i>Об авторе</i>	348
<i>Другие книги Колина Таброна</i>	349

PEKA AMYP

Посвящается Остину, Пауле и Элизео

Глава 1

Исток

В самом сердце Азии, на древнем слиянии степи и леса серо-зеленым морем в сторону Сибири простираются луга Монголии.

Почти ничто не нарушает тишину этой земли. Люди встречаются здесь редко. На самом дальнем ее краю, рядом с российской границей для путешественников недоступны почти тринадцать тысяч квадратных километров. Эти горы, некогда родина Чингисхана, сегодня являются почти священной глушью. Одинокая дорога, достигающая их, заканчивается у заграждения и домика егерей. И здесь ждем мы — проводник, два сопровождающих охотника и я; ждем, чтобы попасть на территорию, которую никто из нас практически не знает.

Где-то в этой глухомани берет начало одна из самых грандиозных рек на планете. Ее бассейн вдвое превышает по площади Пакистан; в нее впадает более двухсот притоков, некоторые из которых колоссальны. На протяжении полутора тысяч с лишним километров она образует границу между Россией и Китаем: барьер, окутанный столетиями недоверия.

Амур туманен. Неясно даже происхождение самого названия*. Для Запада река кажется недостижимо далекой, и мало кто о ней даже слышал. Оценки длины сильно различаются — Амур оказывается то десятой, а то даже восьмой рекой мира. На его китайском берегу путешественники практически не бывают, в то время как его российский берег из конца в конец отмечают вышки и колючая проволока — самая укрепленная граница на Земле.

Проходит день, затем ночь, а мы все ждем возможность попасть в эти запрещенные горы. Егеря этого места, именуемого Хан-Хэнтэйским заповедником, не стремятся нас выпускать, хотя у меня есть разрешения от доверенного агента, который нашел мне проводника и конных спутников. Ощущаю первый укол беспокойства. Три палатки посреди луговых трав теперь выглядят жалкими, а душевный подъем от начала путешествия — внутреннее возбуждение, трепет предвкушения — сменяется опасением, что мы можем вообще его не начать. Ночью меня будят звуки лошадей, щиплющих траву у моей палатки. В такой час разум омрачается; внезапно идея проплыть 4548 километров (преобладающая оценка**) по реке, кото-

* Традиционно производится от нивхского названия Дамур — «большая река». От нивхов, живших в нижнем течении реки, название в форме Амур (Амар) позаимствовали эвенки, а русские, узнавшие слово от эвенков, распространили его на реку на всем ее протяжении. (Прим. пер.)

** Официально Амур образуется при слиянии рек Шилка и Аргунь, и формально его длина — всего 2824 километра. Однако нередко при определении длины реки ведут отсчет от истоков той или иной составляющей Амура. Шилка образуется слиянием рек Онон и Ингодá, и длина системы Онон — Шилка — Амур сейчас оценивается в 4279 километров. В Аргунь через озеро Далайнóр (при высокой воде) могут попадать воды реки Керулén, и длина системы

рая течет через юго-восточную Сибирь, затем встречается с Китаем, а потом впадает в Тихий океан, кажется всего лишь фантазией.

Открываю полог палатки, смотрю в холодную темноту и перевожу дух. Моя черная тень ложится на траву. Ночь надо мной наполнена сияющими звездами, и по бескрайнему монгольскому небу ледяным потоком света тянется Млечный Путь.

Слабым сиянием разливается рассвет. Мир выглядит по-прежнему неокрашенным. Далеко вокруг нас солнце поднимает сверкающий туман над травами, щедро налитыми росой. Кажется, что над равнинами полыхает гигантский пожар. На какое-то время он скрывает холмы, очерчивающие линию горизонта, затем его дымка растворяется — словно она нам пригрезилась. Воздух теплеет. Крохотные дневные бабочки взлетают с травы, в которой поют невидимые птицы, а воздух полнится щёлканьем и стрекотанием кузнечиков. Идти здесь — значит пробираться сквозь море диких цветов: разноцветные астры, горечавка, лапчатка оттенка сливочного масла, аквилегия кобальтового цвета. Полосы склоняющегося под ветром эдельвейса на дальних склонах рисуют морозную бледность на многие километры.

Затем появляются наши спутники — тяжеловесные в своих национальных *дэли**, с кинжалами на поясе; они

Керулен — Аргунь — Амур оценивается в 5052 километра. При этом верховья Онона и Керулена расположены недалеко друг от друга на территории Хан-Хэнтэйского заповедника. Автор книги в описываемый момент находится неподалеку от них и собирается двигаться вдоль Онона. (*Прим. пер.*)

* *Дэли* — традиционная одежда народов Центральной Азии: халат или кафтан из шелка (праздничный) или хлопка (обыденный). (*Прим. пер.*)

проверяют наших привязанных лошадей. Поздно утром к палаткам на мотоциклах подруливают егеря. На них огромного размера обувь и пиратского вида повязки на головах; в руках маленькие портфели. Мой проводник Батмонх, родившийся в столице Монголии, говорит, что они ощущают собственную значимость: сюда с паломничеством к Бурхан-Халдуну, священной горе Чингисхана, прибыл премьер-министр. Однако они остаются с нами надолго — едят наше печенье и внимательно изучают документы. Егеря утверждают, что местность впереди опасна и почти непроходима. Самый длинный приток Амура, река Онон, берет начало в глухих болотах, а муссоны этим летом были весьма сильны. Сейчас, в конце августа, почва затоплена и коварна. И еще есть медведи. Попад на территорию заповедника, мы окажемся вне доступа спасателей.

Батмонх слушает их без интереса. Он говорит, что им не нравится появление чужаков на их территории. Я не понимаю ни слова из разговора и лишь молчаливо надеюсь, что нам не запретят путешествие. Иногда Батмонх пренебрежительно покидает нас, в то время как егеря приходят и уходят, а наши всадники смеются над ними, показывая презрение свободных людей к бюрократии. Наконец, егеря суют нам на подпись документ, снимающий с них всякую ответственность, и — умыв таким образом руки — уезжают, подпрыгивая над степью на своих китайских мотоциклах.

Конечно, к ним следовало бы прислушаться.

Перед нашим отъездом небо выглядит шире и беспокойнее, чем земля. Горизонт кажется уходящим за кривизну планеты, а над нами раскинулась панорама разнообразной облачности. С одной стороны — просто мазки тумана,

с другой — армада катящихся в бесконечность кучевых облаков.

На миг мы останавливаемся на краю заповедника; в следующее мгновение мы уже в подлеске и движемся вдоль реки Керулен, когда она начинает свой путь с водораздела на востоке. Склоны становятся круче и покрываются лесом. Кричит запоздалая кукушка. Не вполне того осознавая, мы пересекаем границу между евразийскими лугами и сибирской тайгой, под нашими копытами затухают запахи раздавленных цветов, и все мы в восторге от свободы.

Однако вскоре почва размокает. Лошади иногда спотыкаются в болотистой жиже, которая к тому же еще и течет. Однажды земля под передовым всадником проваливается, и его жеребец — крупное чалое* животное — падает в грязную яму и с трудом поднимается на ноги.

К полудню мы едем вдоль холмов над рекой. Низко к болотам опускаются канюки. Многие километры мы продираемся сквозь заросли чахлах берез, в то время как лиственницы, подобно армии захватчиков, спускаются со склонов и проникают в долины. Звуки издаем только мы. Воздух становится все острее, я все сильнее ощущаю, как далеко пролегает наш путь, и чувствую старое возбуждение от попадания в другую страну.

Моя лошадь — это двенадцатилетний безымянный жеребец. Для всадников он просто Белый; любое другое имя выглядело бы сентиментальным. Он вынослив и покрыт шрамами. Мы едем беспорядочной кавалькадой; у нас девять животных — палатки и еду везут пять выюнных лошадей. Это сильные животные, лоснящиеся после летней пастбы, а не какие-то болезненные порождения поздней

* Чалая масть — масть с примесью белых волос на фоне собственного окраса. (Прим. пер.)

зимы. Коротконогие и большеголовые, они происходят от неутомимых коней монгольских орд, способных без остановки проскакать десять километров; мы едем на них по-монгольски — с короткими стременами, ноги согнуты в коленях. Спутникам чуть за сорок; лица этих пастухов и охотников обветрены, а тела поджары. Они тоже выглядят неутомимыми.

Однако в прошлом их предки обитали не в степи, а в лесу, из которого они вышли тысячелетия назад, и наш собственный переход еще долгое время сбивчив — травяные склоны перемежаются с лесом, пока мы возвращаемся в прошлое, и удары копыт первых кочевников растворяются в лесной тишине.

К вечеру появляется первый намек на проблемы. Одна из выючных лошадей все еще не объезжена, и ее дикая энергия заставляет нервничать остальных. Где-то впереди, в лесистой низине они начинают толкаться, затем срываются с поводьев. Три животных с выпученными от страха глазами мчатся назад, за ними гонятся конники.

Мы с Батмонхом привязываем оставшуюся пару к молодым деревцам и ждем. Кажется, что прошли часы. Когда всадники возвращаются, обнаруживается, что упрямый паломино* сбросил свою поклажу, и теперь она лежит где-то в окружающем лесу. Наши спутники отправляются на поиски, а мы с Батмонхом безуспешно гадаем, какая из гигантских седельных сумок пропала. Осознаю, что если в ней окажется мой рюкзак с паспортом и визами, то наше путешествие закончено. Возвращаюсь по дороге, где исчезли лошади, но вокруг меня расстилается глазурь все скрывающей березовой поросли. В панике

* *Паломино* — лошадь соловой масти. Соловая масть — золотисто-желтая с практически белыми гривой и хвостом. (Прим. пер.)

я ищу отпечатки копыт, сломанные ветки и иду по следам, которые растворяются в отметках какого-то давно прошедшего тут животного. Негромкое ржание лошадей наших спутников раздается все дальше и дальше — район поисков явно расширяется. Иногда в подлеске минутной надеждой сияет упавшая береза — яркая и гладкая, как фарфор — но вскоре я уже не могу представить, как можно хоть что-нибудь найти в этой глуши.

Когда я возвращаюсь, Батмонх осматривает поклажу на оставшихся привязанных лошадях: его тревожит, что нет еды и нам придется сразу отправляться обратно. С разными намерениями мы осторожно прощупываем один из выюков, но жеребец вырывается — сейчас все нервничают — и тащит свое деревянное седло за собой. Нам остается только завернуть его на место и ждать.

Через час мы слышим далекий крик. «Думаю, нашли», — говорит Батмонх. Вскоре двое мужчин появляются с потерянными выюками; они по-прежнему непроницаемы, как будто возвращение вещей было запланировано. И когда мы тем вечером распаковываем вещи на лесистом склоне над болотом, то обнаруживаем, что в вернувшейся поклаже находилась наша еда.

В сумерках мы ставим палатки на размокшей от дождя земле; наши спутники рубят ветки, чтобы построить собственное укрытие. В траве валяются вещи — коробки с едой, бутылки с водой, сбруя, топорики, даже брезентовый стул; под деревьями пасутся освобожденные от поклажи лошади. В этом безлюдном одиночестве странно сознавать, что наш костер — единственный человеческий свет и увидеть его могут только волки или разбуженные медведи.

Костер сближает нас в прохладе ночи, а его дым отпугивает выющихся вокруг нас комаров. Батмонх варит

лапшу на портативной плитке, монголы пьют соленый чай и курят. Сначала они казались мне близнецами, но сейчас я начинаю их различать. Монго выглядит старше своего возраста; он подпоясан, как разбойник, и разговорчив; Ганпурев смотрится мальчишкой, но остроглазым мальчишкой, от которого одни неприятности. Он младший сын в обедневшей семье. Оба носят фуражки и высокие сапоги; их куртки украшают известные лейблы, хотя и явно пиратского происхождения. У костра они говорят о практических вещах: о выпасе лошадей и деньгах. Нам сообщают, что по такой местности за восемь часов на лошади можно преодолеть всего километров тридцать. В темноте вспыхивают и гаснут их сигареты. Батмонх, свободно владеющий английским, иногда переводит. Однако его мир — не их мир, и он, возможно, кажется им таким же чужаком, как и я. Тишина, опустившаяся, когда мы наконец засыпаем, — это тишина изнеможения. Не шевелятся даже лошади, спящие стоя при свете звезд.

*

Исток крупных рек часто неясен. Они могут сочиться из недоступных болот или ледников, а могут появляться из путаницы притоков. Инд рождается из шести оспариваемых потоков. Утверждают, что Дунай вытекает из какого-то желоба в горах Шварцвальд. Что до истоков Амура, то когда собрание географов России и Китая взялось обсуждать этот вопрос, то с огорчением обнаружило, что исток, обеспечивающий максимальную длину, находится ни в той, ни в другой стране — он расположен в этих отдаленных монгольских горах. Наши сопровождающие знают эту реку как Онон, «священную мать»; но если эта мать сама где-то и рождается, то немногие люди вроде Ганпурева знают это место, а он был там всего раз, десять лет назад.